

ДЕНИСЕНКО И.Д. (доктор философских наук, профессор, кафедра политологии, социологии и культурологии ХНПУ имени Г.С. Сковороды)

ЖВАНИЯ Т.В. кандидат психологических наук, доцент, кафедра практической психологии ХДЕУ)

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

В статье представлен сравнительный анализ наиболее известных вариантов теоретических конструкций, интерпретирующих наблюдаемую (со всеми трансформационными коннотациями) социальную реальность в контексте определения конструктивных стратегий ее дальнейших социально-философских экспликаций. Особое внимание акцентируется на проблемах формирования соответствующего понятийно-категориального аппарата исследований.

Ключевые слова: современное общество, социальная реальность, современность.

Денисенко І.Д. СОЦІАЛЬНА РЕАЛЬНІСТЬ У КОНТЕКСТІ СУЧАСНОГО СОЦІАЛЬНО-ФІЛОСОФСЬКОГО ДИСКУРСУ

У статті представлений порівняльний аналіз найбільш відомих варіантів теоретичних конструкцій, що інтерпретують спостережувану (з усіма трансформаційними конотаціями) соціальну реальність у контексті визначення конструктивних стратегій її подальших соціально-філософських експлікацій. Особлива увага акцентується на проблемах формування відповідного поняттєво-категоріального апарата досліджень.

Ключові слова: сучасне суспільство, соціальна реальність, сучасність.

Denisenko I. SOCIAL REALITY IN THE CONTEXT OF THE MODERN SOCIAL AND PHILOSOPHICAL DISCOURSE

In the article the comparative analysis of the most known variants of the theoretical designs interpreting observed (with all transformational connotations) a social reality in a context of determination of constructive strategy of its further is social and philosophical explications is presented. The special attention is accented on problems of forming of the corresponding conceptual and categorical apparatus of the researches.

Key words: modern society, social reality, modernity.

Анализ современной социально-философской литературы свидетельствует, что исследования разных аспектов формирования и трансформации наблюдаемой социальной реальности составляют весомую часть исследовательских практик как западных, так и отечественных представителей мирового научного сообщества (У. Бека, Ж. Бодрийяра, И. Валлерстайна, З. Голенковой, Э. Гидденса, П. Дракера, В. Иноземцева, М. Кастельса, А. Лазаревича, Н. Лумана, А. Тоффлера, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, Ш. Эйзенштадта) [1–11; 13; 15–16].

Чаще всего исследовательский акцент делается на поиске и обосновании определенных характеристик, способных наиболее адекватно и всесторонне эксплицировать новое содержание существующей социальной реальности, представленной, например, в работах З. Баумана «текучей современностью», У. Бека – «обществом риска» или «обществом второй современности»; Ж. Бодрийяра – «обществом потребления», «миром постмодерна» или так называемой «сверхреальностью», И. Валлерстайна – «знакомым миром», Э. Гидденса – «эпохой современности» или «эпохой позднего модерна»; М. Кастельса – «сетевым обществом», Дж. Урри «мобильным обществом» и т.д.

Исходя из этого, целью статьи является попытка осуществить сравнительный анализ наиболее известных вариантов теоретических конструкций,

интерпретирующих наблюдаемую (со всеми трансформационными коннотациями) социальную реальность в контексте определения конструктивных стратегий ее дальнейших социально-философских интерпретаций.

Для известного немецкого философа З. Баумана существующая реальность – «общество текучей современности», которое образовалось в результате так называемого «рокового сдвига», причины которого «коренятся в полном преобразовании общественного пространства и, более широко в том, как современное общество функционирует и сохраняет себя» [1, с. 32]. Этот сдвиг вызвал глубокие изменения во всех сферах человеческой жизни. Сравнивая прошлый тип современности с наблюдаемым исследователь утверждает, что «та современность кажется «тяжелой» (по сравнению с нынешней «легкой» современностью); а еще лучше – «твердой» (в отличие от «жидкой», «текучей» или «расплавленной»); плотной (по сравнению с диффузной или «капиллярной») и наконец системной (в отличие от сетевой)» [1, с. 32]. При этом, З. Бауман подчеркивает, что сформировавшаяся современность «с большим трудом поддается представлению» в терминах «информационное общество», «сетевое общество», «глобализация», «постмодерн» и предлагает переосмыслить взгляды и когнитивные границы, используемые для экспликации индивидуального опыта членов общества и интерпретации их совместной истории.

Для другого немецкого исследователя У. Бека современное общество («общество риска», «другой модерн») приходит на смену традиционному индустриальному обществу. «Различие между индустриальным обществом и обществом риска, – отмечает философ, – не совпадает с различием между «логикой» производства богатства и «логикой» производства и распределения рисков, а вытекает из того, что *опрокидывается соотношение приоритетов*. Понятие индустриального общества предполагает *преобладание «логики богатства»* и утверждает *сравнимость* распределения рисков, тогда как понятие общества риска утверждает *несравнимость* распределения богатства и рисков и *конкуренцию* их «логик» [2, с. 262].

Для французского философа-постмодерниста Ж. Бодрийара современная реальность – результат функционирования общества потребления, в котором последний процесс не только формирует содержание всей общественной жизни, но и определяет перспективы развития процессов производства и накопления. «Потребление, – утверждает исследователь, – это не материальная практика и не феноменология «изобилия», оно не определяется ни пищей, которую человек ест, ни одеждой, которую носит, ни машиной, в которой ездит, ни речевым или визуальным содержанием образов или сообщений, но лишь тем, как все это организуется в знаковую субстанцию: *это виртуальная целостность всех вещей и сообщений, составляющих отныне более или менее связный дискурс*» [4, с. 164].

Известный американский исследователь, представитель постмарксизма, И. Валлерстайн утверждает, что общество первой половины XXI века «по своей сложности, неустойчивости и вместе с тем открытости намного превзойдет все, виденное нами в веке XX-м».

Данное утверждение обосновывается исследователем с помощью обращения к трем посылкам.

А именно:

утверждения о том, что «исторические системы, как и любые другие, имеют ограниченный срок жизни», который определяется достижением определенной точки бифуркации;

положения о том, что «в таких точках бифуркации незначительные воздействия приводят к масштабным изменениям», в большинстве своем выступающими непредсказуемыми;

тезиса о том, что «современная миро-система как система историческая ступила в стадию завершающегося кризиса» [5, с. 5].

Для английского мыслителя Э. Гидденса функционирующий сегодня во времени и пространстве социум – эпоха современности, которая выступает продолжением развития общества начала XX век, и может быть определена через четыре базовых институциональных момента – уровень развития капиталистического производства; степень использования в этом процессе неживых источников энергии и машинного производства; уровень организации системы социального контроля и контроля над средствами насилия.

При этом основными динамическими характеристиками современного общества выступают так называемое «дистанцирование» (разделение времени и пространства), так называемое «высвобождение» (отрыв социальных отношений от локальных контекстов взаимодействия и их реструктурирование на неограниченных промежутках времени – пространства) и рефлексивность [7].

Для американского исследователя М. Кастельса, новая социальная реальность – информационная эпоха, начало формирования которой приходится на конец 1960-х – середину 1970-х годов в контексте исторического совпадения «трех независимых процессов:

революции информационных технологий;

кризиса как капитализма, так и этатизма, с их последующей реструктуризацией;

расцвета культурных социальных движений, таких, как либертарианизм, борьба за права человека, феминизм, защита окружающей среды» [8, с. 492].

В результате взаимодействия между этими процессами и спровоцированными ими реакциями, согласно выводам американского социолога, были созданы:

новая доминирующая социальная структура – сетевое общество;

новая экономика – информационная / глобальная

и новая культура – культура реальной виртуальности.

Очевидно, что анализ предложенных западными авторами теоретических конструкций наблюдаемой реальности можно продолжать, но уже при первоначальном рассмотрении вышеперечисленных вариантов можно сделать вывод, что их следует объединить в две большие группы. Одну, из которых составляют исследования, авторы которых интерпретируют наблюдаемую реальность как современность, как естественный результат трансформаций традиционного общества, другую – инициаторы которых рассматривают ее как качественно новое постмодернистское образование.

Данное утверждение совпадает и с точкой зрения известного американского социального исследователя Дж. Ритцера. Согласно его рассуждениям, практически все дискуссии, организованные в рамках западноевропейского и американского научных сообществ в конце XX – начале XXI столетия, выходят на проблему адекватной интерпретации и соответствующей оценки именно изменений, происходящих с наблюдаемой реальностью. «По мере того, – говорит исследователь, – как мы вступаем в XXI век, век социальных теоретиков, нас в все большей степени занимает вопрос: подверглось ли общество, а также теории о нем ярким трансформациям» [12, с. 34].

Дж. Ритцер утверждает, что в результате поисков ответа на поставленный вопрос эти социальные исследователи распределились на две группы.

«Одна из позиций – отмечает американский исследователь, – представлена творчеством группы теоретиков (среди них, в первую очередь, следует назвать Ю. Хабермаса и Э. Гидденса), полагавших, что мы продолжаем жить в обществе, которое правильнее всего называть современным... Иной точки зрения придерживается другая группа мыслителей (например, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар и

Ф. Джеймисон), которые утверждали, что общество изменилось так резко, что мы сейчас живем в качественно новом, постмодернистском обществе» [12, с. 46–47].

Очевидно, что наличие данных позиций предполагает существование в современной системе социально-философских знаний определенной методологической амбивалентности. То есть, осознание наблюдаемой социальной реальности как современного общества, развитие и функционирование которого активно интерпретируется различными теоретическими конструкциями середины XX века, позволяет исследователям снова (при необходимости объяснить определенные изменения в ее структуре и сферах существования) обращаться к основным положениям этих концепций.

Признание существующей социальной реальности обществом так называемого «постмодернистского» типа предполагает для адекватной интерпретации изменений, происходящих с его структурными элементами и пространством их функционирования, формирование (или разработку) качественно новой теоретической конструкции.

Анализ современной социально-философской и социологической литературы свидетельствует, что еще с середины 80-х годов XX столетия среди большинства как западных, так и отечественных исследователей начинает доминировать идея о том, что «теории Маркса, Вебера, Дюркгейма и другие во многом уже не могут должным образом объяснить содержание и направленность социальных изменений в современном мире» [17, с. 19]. Именно в этот период в западном научном сообществе начинается активный поиск (который продолжается и сегодня) методологических оснований для построения теоретической конструкции, адекватно интерпретирующей содержание и развитие нового варианта социальной реальности.

При этом, следует подчеркнуть, что обращение исследователей к проблеме определения основных стратегий построения теории, адекватно интерпретирующей содержание и динамику современного общества, на наш взгляд, должно происходить с учетом следующих моментов:

- уточнения понятийно-категориального аппарата исследований;
- определения логико-методологических основ (концептуальной схемы), позволяющих: выразить в абстрактной форме основные положения каждого из вариантов теории формирования и развития современного общества (от «текущей современности» З. Баумана до «мобильного» Д. Урри); систематизировать и согласовать эти утверждения между собой; согласовать эти концепты с имеющимися в наличии эмпирическими данными.

Детальное изучение дискурса современных социально-философских публикаций констатирует факт существования в процессе формирования понятийно-категориального аппарата современной системы социально-философских знаний двух устойчивых тенденций – наполнение новым содержанием традиционных для этой науки понятий («общество», «историчность», «структура», «институты», «классы» и т.д.) и привнесение в ее оборот совершенно новых категорий – «риск», «сеть», «виртуальная реальность», «культура реальной виртуальности» и т.д.

Так, например, А. Турен рассматривает современное общество как «совокупность правил, обычаев, привилегий, против которых направлены индивидуальные и коллективные творческие усилия» [13, с. 58], классы – как «группы, противостоящие друг другу в центральном конфликте за овладение историчностью» [13, с. 59]. При этом, так называемая «историчность» эксплицируется как совокупность «культурных, когнитивных, экономических, этических моделей, с помощью которых коллектив строит отношения со своим окружением, производит... культуру» [13, с. 57].

Согласно рассуждениям М. Кастеллса, «культура реальной виртуальности» понимается как система, «в которой сама реальность (то есть материальное/

символическое существование людей) всецело захватывается, полностью погружается в обстановку виртуальных образов, в мир воображаемого, в котором изображения не просто возникают на экране, через который передается опыт, а сами становятся опытом» [8, с. 373].

При этом следует заметить, что содержание новых категорий, вводимых исследователями в научный оборот социально-философского дискурса не получило еще однозначной интерпретации. Например, разработка теории «общества риска» в современной западной социально-философской и социологической литературе представлена в основном исследованиями У. Бека, Э. Гидденса и Н. Лумана. Однако анализ этих исследований позволяет утверждать, что основной концепт этой теории – понятие «риск», в каждом из предложенных вариантов имеет свою авторскую экспликацию.

Так, для немецкого исследователя Н. Лумана риск является обратной стороной нормальной формы развития процессов современного общества, и «только при обращении к обратной стороне нормальной формы мы и можем распознать ее как форму» [10, с. 141]. «Риск, – утверждает У. Бек, – может быть определен как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцированными и произведенными модернизацией как таковой. Риски в отличие от опасностей прошлых эпох – следствия угрожающей мощи модернизации и порождаемых ею неуверенности и страха» [3, с. 45]. Для Э. Гидденса риск выступает определенным механизмом структурирования современного мира [6, с. 93].

Очевидно, что основную проблему в осознании существовании этих тенденций составляет поиск методологических оснований для соединения перечисленных выше категорий в единый «работающий» понятийный аппарат.

Разрешение проблемы уточнения понятийно-категориального аппарата современной социально-философской системы знаний непосредственно связано с необходимостью рассмотрения другого стратегически важного вопроса – поиск адекватной интерпретации содержания высшей формы организации научного знания о социальной действительности (теории).

Периодически предпринимающиеся попытки уточнить содержание термина «теория» в системе социально-гуманитарных знаний в контексте обоснования специфики природы исследуемой реальности приводят к формированию ситуации признания теоретической несостоятельности современной социальной науки. Отмеченная тенденция вызвала ряд заявлений со стороны известных западных социальных исследователей об их «замешательстве» относительно определения содержания и структуры «теории в общем» и «конкретных видов теории, которые фактически существует» (Д. Нечмис) и о четко сформулированных «правилах выработки и распознавания социальной теории» (П. Филер, М. Филлипсон).

Кроме того, представители как западной, так и отечественной социально-гуманитарной системы знаний, специализирующиеся на проблемах социального познания, продолжают разрабатывать проблемное поле социальной теории, но не иллюстрируют свои результаты и выводы известными вариантами теоретических построений в сфере изучения социальной реальности конца XX – начало XXI столетия.

Остается открытым вопрос и о построении так называемых «аналитических схем», позволяющих, с одной стороны, согласовать между собой основные положения различных вариантов теоретических конструкций, представляющих одну и ту же теорию современного общества (например, У. Бека и Н. Лумана («общества риска») или Д. Белла и А. Тоффлера («информационного общества»)), а, с другой – скоррелировать между собой базовые постулаты разных теорий, интерпретирующих механизм формирования и развития наблюдаемой социальной реальности. Следует заметить, что в отдельных публикациях по данной проблематике представителей

как западного, так и постсоветского научного сообщества отмечается, например, что возможными методологическими основаниями для последней процедуры могут выступить или основные положения теории структурирования Э. Гидденса [9], или мобильной парадигмы Дж. Урри [14]. Но данные предложения традиционно находят своих оппонентов в современном научном сообществе.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, о том, что перспективы развития социально-философских исследований существующей социальной реальности определяется не только разработкой стратегий разрешения научных вопросов, возникших в новых условиях развития социума в конце XX столетия, но и некоторыми традиционными методологическими моментами, все еще не получившими своей адекватной интерпретации в научном сообществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауман З. Текущая современность / Зигмунт Бауман ; [пер. с англ. под ред. А.В. Асачакова]. — СПб. : Питер, 2008. — 240 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну/ Ульрих Бек [пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой]. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
3. Бек У. От индустриального общества к обществу риска / Ульрих Бек // THESIS. — 1994. — № 5. — С. 45—84.
4. Бодрийар Ж. Система вещей / Жан Бодрийар ; [пер. с фр. С.Зенкина]. — М. : Рудомино, 1995. — 170 с.
5. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Иммануэль Валлерстайн [пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева]. — М. : Логос, 2004. — 368 с.
6. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / Энтони Гидденс // THESIS. — 1994. — № 5. — С. 91—126.
7. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации / Энтони Гидденс. — М. : Академический проект, 2005. — 528 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс [пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана]. — М. : ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
9. Концепция поздней современности Э.Гидденса [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://antonyaz.do.am/publ/koncepcija_pozdnej_sovremennosti_eh_giddensa/1-1-0-242
10. Луман Н. Понятие риска / Н. Луман // THESIS. — 1994. — № 5. — С. 127—159.
11. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / [под ред. В. Л. Иноземцева]. — М. : Academia, 1999. — 640 с.
12. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Джордж Ритцер. — СПб. : Питер, 2002. — 688 с.
13. Турен А. Возвращение человека действующего / Ален Турен ; [пер. с фр. Е.А. Самарской]. — М. : Научный мир, 1998. — 204 с.
14. Тысячнюк М.С. Мобильная социология Джона Урри / М.С. Тысячнюк // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2004. — Том VII (№ 4). — С. 200—208.
15. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Джон Урри ; [пер. с англ. Д. Кралечкина]. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 336 с.
16. Урри Дж. Мобильности / Джон Урри ; [пер. с англ. А.В. Лазарева]. — М. : «Праксис», 2012. — 576 с.
17. Ядов В.А. Информация о XII Всемирном социологическом конгрессе (ВСК) / В.А. Ядов, З.Т. Голенкова // Социс. — 1990. — № 11. — С. 18—22.